

Кто раскачивает Казахстан? Толстых, Чадаев, Уралов

Подкаст Алексея Чадаева, Семёна Уралова

Гость выпуска - автор телеграм-канала [«Русская Казашка Z»](#) Алия Толстых

[Youtube](#)

[Rutube](#)

[Видео на тг-канале Семёна Уралова](#)

[Аудио на тг-канале Семёна Уралова](#)

[Аудио VK](#)

[Аудио ЧП-107 на podster.fm](#)

Дата выпуска: 22 октября 2026

Иван Князев. Дорогие друзья, рад снова всех вас приветствовать. С вами «[Чистота понимания](#)». Напомню, что это площадка, где обсуждаются самые острые, самые актуальные темы. И самые интересные эксперты нашей страны и всего мира — только у нас здесь.

Это площадка для умных и образованных людей. Кто еще не смотрел наши выпуски, обязательно пересмотрите. Не забывайте про стримы, они тоже у нас есть. Выходят по вторникам в 9 вечера.

Сразу – сказал про умных и образованных — представлю наших постоянных ведущих. [Алексей Чадаев](#), политолог, журналист.

Алексей Чадаев. Всем добра.

ИК. [Семен Уралов](#).

Семен Уралов. На посту.

ИК. Политолог, журналист, писатель. Братцы, выбирайте, кто из вас сегодня умный и образованный.

СУ. Можем на — раз, два, три!

ИК. Тоже хорошо. Отдельно позвольте представить нашу гостью. Алия Толстых, автор телеграм-канала «Русская казашка». Алия, рады вас здесь приветствовать. Издалека вы к нам летели.

Дорогие зрители, не забудьте поставить лайк этому выпуску. Это важно для продвижения

«Чистоты понимания». Мы есть в [Рутубе](#), в [ВК](#), в [Ютубе](#).

Разговор сегодня пойдет о Казахстане, в том числе о России. Казахстан — это страна, которую, как мне кажется, нельзя просто назвать иностранным государством, где мы друг для друга чужие. Нас связывает, во-первых, самая протяженная сухопутная граница в мире. Это раз. Миллионы человеческих связей. Русские, казахские языки, общая история, экономика, энергетика. Байконур, наконец, тоже нас связывает.

Но близкие отношения вовсе не означают отсутствие каких-либо сложных вопросов. Казахстан меняется, Россия меняется, весь мир меняется. Поэтому сегодня, как мне кажется, гораздо важнее выяснить, как Казахстан смотрит на Россию, как Россия смотрит на Казахстан, понять, на чем наши отношения будут строиться в ближайшие 20–25–30 лет, какие проблемы необходимо проговаривать уже сейчас, чтобы потом они не превратились в нерешаемые, не дай бог, конфликтные проблемы. Братцы, обозначьте свой контур разговора.

Давай, Семен.

СУ. Я во многом инициатор того, чтобы Алия была у нас в гостях, и хочу добавить важную рамку. Алия еще и пример человека, переехавшего из Казахстана в Россию — сейчас уже петербурженка, правильно?

Алия Толстых. Да.

СУ. Сразу в Петербург. Плюс человек с активной общественной позицией. Как бы я это обозначил: она не политическая, а именно общественная. Мы, кстати, только сейчас воочию увиделись, а до этого были знакомы в сети — насколько мне не изменяет память, Алия была активной зрительницей «Чистоты понимания», я часто видел репосты.

Мне очень важно, чтобы мы сегодня обсудили фактор наших людей в Казахстане. Это на фоне ряда не очень понятных вещей — там же закрытая система в Казахстане.

ИК. А что ты имеешь в виду?

СУ. То ли уголовных дел... Сейчас опишу. Это то, что произошло в этом политическом сезоне. Ряд откровенных преследований активистов. Не очень понятно, что именно людям вменяют. Но в Казахстане развернулась легкая «буча» в информпространстве: люди с пророссийскими взглядами, а я бы скорее сказал — с просоюзными, стоящие на позициях, что Россия и Казахстан обязательно должны быть союзниками, сейчас находятся кто-то под стражей, кто-то под подпиской о невыезде. Ряд наших собеседников — не будем особо называть фамилии, чтобы не навредить, в том числе и невыездных собеседников.

Мне бы хотелось понять, что это за тенденции, чтобы мы сегодня об этом говорили. Это скорее тенденции или исключения из правил?

ИК. Это важно.

СУ. Второе — это рост этнонационализма. Есть ли он? Какой он? Из того, что я знаю, общаясь с коллегами из Казахстана, есть направление «гражданского» национализма: все мы, кто живет в этой республике, без разницы, в Казахстане или еще где-то, — новая нация, которая возникла после 1991 года. А есть вторая точка зрения — это этнонационализм. Когда начинается копание в средневековье: «мы все оттуда вышли», и тогда возникает эффект, что есть местные, а есть приехавшие. И быстро перебрасывается мостик, что это оккупанты.

Это мы видим на всем постсоветском пространстве. Все национализмы так действуют. Сначала начинается гражданский национализм, западного типа. Даже была формула, еще Назарбаев ее предложил: казахстанцы. Не казахи, а именно казахстанцы. А потом очень быстро...

АЧ. Как «россияне» у нас.

СУ. Да, как россияне, безусловно. А потом, из того, что я наблюдаю, перебрасывается мостик, что есть все-таки этнос главный, а все остальные — либо понаехи, либо оккупанты. Это очень тонкий момент на всем постсоветском пространстве.

АЧ. Включая, кстати, Россию.

СУ. Включая Россию, да. Это важнейшее идеологическое явление.

СУ. Ты прям болевые точки обозначил.

СУ. Я обозначаю то, что хотелось бы сегодня обсудить.

ИК. Надо будет понять масштабы действительно этих явлений, какие они, если они есть.

Алексей?

АЧ. Я тоже дистанционно следил, в том числе за разной общественной активностью Алии, но мне здесь, как ни странно, интересен именно момент такого жизненного человеческого сценария, когда человек меняет страну проживания, приезжает в другое место, в другую страну и при этом не хочет жить частной жизнью. Не готов довольствоваться частной жизнью переехавшего. Хочет быть общественно, политически активным. У нас была такая гостья, Ольга, которая из Омска переехала в Германию.

ИК. Выпуск [«Омская альтернатива для Германии»](#).

АЧ. Стала даже депутатом в каком-то земельном парламенте. Сейчас интересно, сколько их таких будет по мере победного шествия АдГ, в том числе уже на западе Германии. И понятно, что это внутренний очень жизненно трудный момент, потому что каждый второй если и не сказал, то подумал это классическое «понаехали здесь».

Для меня это даже отчасти семейный момент: у меня отец-то москвич, в скольких-то поколениях, а мама приехала из деревни, российской, но деревни. Она делала в Москве какую-то карьеру и, конечно, сталкивалась с этим моментом, что местные против приехавших.

ИК. С которым сталкиваются все, кто приехал в Москву.

АЧ. О да. В Питере, конечно, помягче с этим. В Питере такого прям нет. Тоже есть, но не так. Все-таки город помоложе. А в Москве я даже хожу по улицам, которые называются Ордынка, Татарский переулок, думаю: вот мои давние предки, Чадаевы, когда-то же — Джагатай улус и все дела. Понятно, как всякие местные Акуловы, Морозовы смотрели на этих понаехов из Орды, причем Синей Орды, даже не Золотой. И как они к ним относились. Как-то ничего, притерлись мы тут за 4 века.

ИК. Вполне себе.

СУ. Так-то и Рюриковичи понаехи.

ИК. Вообще гастарбайтеры.

АЧ. Русский термин — варяг.

ИК. Алия, я попрошу вас немножко о себе рассказать. Вы в Алматы жили, да?

АТ. Да, в Алма-Ате.

ИК. И вот такой еще вопрос. Все-таки, если выключить Телеграм, новости, политические ток-шоу, какие сегодня отношения между обычными россиянами и казахстанцами? Давайте эти два вопроса обсудим.

АТ. В принципе, у нас в Казахстане все замечательно. На первый взгляд, когда ты выходишь на улицы, все прекрасно: люди работают, люди отдыхают, идут в ресторан. Внешне все абсолютно спокойно. Но когда случается мало-мальски бытовой конфликт, если стыкуются казахи и русские или русскоязычные казахи, то казахи себе позволяют вещи, которые раньше, лет 20 назад, они не смели говорить. Такие как «это наша земля, уезжайте в Россию».

ИК. А почему так резко?

АТ. Это становится нормой. Раньше они про это думали, я думаю, внутри, но не озвучивали. Лет 20 назад первые проблески были такие: «Поздоровайся со мной на казахском языке, тогда я с тобой здороваюсь». Например, где-нибудь на работе ты кого-то встречаешь из гостей или коллег, они могут так сказать. Это было настолько редко, что резало слух. Сейчас это стало настолько нормой в Казахстане, к сожалению. И мы не можем об этом не говорить.

Я переехала в Россию, это моя гражданская потребность. Мне больно за то, что происходит в Казахстане. В Казахстане меня считают предателем, что я предала Казахстан, предала свою религию, казахский народ. Но мне больно, что происходит в Казахстане, потому что я очень люблю Казахстан и казахов, и я не хочу повторения событий, как это на Украине сейчас происходит.

СУ. А вот вы так однозначно [сказали]: «считают предателем». Это, наверное, какая-то узкополитизированная прослойка части общества.

АТ. У нас есть казахи, о которых нужно тоже говорить. Они поддерживают Россию, они прекрасно общаются с русскими людьми. У них есть друзья русские, они любят русский язык и считают его где-то своим родным языком. Но из-за того, что эта часть, огромная часть казахов, так называемые национал-патриоты, кричат о том, что Россия — это колонизаторы, нас хотят захватить после Украины, в принципе Россия вторгнется в Казахстан и возьмется за наши земли. И вот эту часть думающих людей, казахов, становится не слышно, потому что они в принципе не защищают русских.

Я говорю: вам необходимо защищать русских наших людей, если какая-то ситуация происходит. Они считают: ну меня же не касается, это же русских касается. Но был случай буквально пару месяцев назад в Алма-Ате, когда подростка 15-летнего казахи, взрослые лет за 60, избили за то, что он не ответил на казахском языке. Как мы видим, это касается также и казахов. Если бы наши казахи защищали русский язык, русскоязычное население, и был бы противовес в обществе, настолько бы это явно не слышалось — что у нас в Казахстане национализм. Может быть, как-то было все мягче.

ИК. Я, чтобы сразу уточнить, для чистоты понимания: насколько это явление массовое? У меня много знакомых казахов, и прекрасно мы общаемся. Они там жили какое-то время, здесь

до ковида, потом уехали. Мы до сих пор сохраняем хорошие отношения. Много у меня знакомых в Северном Казахстане живут, там вообще большая русскоязычная диаспора. И я, правда, такого не слышал, что прямо массово и жестко это проявлялось.

АТ. Я бываю на мероприятиях, говорю про Казахстан достаточно мягко, чтобы не шокировать. И действительно, россияне не знают, что происходит в Казахстане. Они такие: ну, дружественный нам Казахстан, у нас там все хорошо. У нас там все очень плохо. Без преувеличения. У меня дети, мы приехали из Германии, прожили там 15 лет, я их отдала в «Умку» — это общеобразовательное дошкольное учреждение. И мой младший ребенок приходит и говорит: «Мама, правда, что Россия плохая, придет и нас будет бить?» Пятилетние дети. Я говорю: «Кто тебе это сказал?» — «Мой друг». То есть семья абсолютно образованная, прекрасно говорящая на русском языке. Но тем не менее то, что ребенок услышал дома, он выдал на улице.

Второй случай, когда также мой младший ребенок приходит: «Алға, Қазақстан! Слава Украине!» Я говорю: «Тебе это кто сказал?» — «Моя воспитательница казахского языка». — «И долго вы кричали?» — «Да, долго». То есть воспитывается уже третье поколение в ненависти к России, к русскому. СВО — это такой катализатор: после начала СВО у людей как бы есть причина, что можно говорить открыто против России, русских, Россия виновата. И в принципе у нас есть причина вполне себе, после которой можно.

АЧ. Семен, Алия, давайте я тогда на ваш суд вброшу вот какую гипотезу. Мы всегда описываем подобные процессы в любой постсоветской стране, опираясь на два фактора. Первый фактор — это некие процессы, происходящие в обществе. И второй фактор — это влияние вражеской мягкой силы.

СУ. Внешних сил.

АЧ. Внешних сил, тех или иных. А я бы хотел рассмотреть третий фактор, который обычно не учитывается, но без которого невозможно понять не только про нынешний Казахстан, но и про нынешний Азербайджан, и про другие постсоветские страны, включая в какой-то степени даже совсем нам близкую и дружескую страну, вам известную.

Это — ставя себя мысленно на место любого элитария, именно из власти, неважно, в Астане, в Минске, в любой другой столице, когда началась СВО, а за пару месяцев до нее Байден сказал вот эту свою фразу: «Видимо, Путин просто хочет восстановить Советский Союз», не мог бы я обойти мысль, что вдруг действительно, а вдруг вся эта история с Украиной — это только первая ласточка? Просто Москва взялась и начала ликвидировать все эти суверенитеты, начав с того, который ближе и понятнее. Что, если это все просто пролог? Тем более что мы помним разные истории с разными нашими радикалами, про Северный Казахстан

СУ. Про великого русского писателя.

АЧ. Да. Мы помним разные другие. То, что, например, у некоторых наших партий тема итогов референдума 1991 года всегда была частью их предвыборной повестки. И если бы я был чиновником или представителем крупного бизнеса...

ИК. А может быть, даже обычным гражданином.

АЧ. Нет, как раз «обычные граждане» здесь я выношу за скобки, процессы, идущие в обществе на бытовом, низовом уровне, кто кого побил во дворе, кто с кем как поздоровался, это мы обсудили. Но я сейчас говорю: это всегда был такой фактор. И даже, насколько я знаю

Казахстан, шала — нагыз всегда было, когда одни казахи все время тыкали пальцем в других казахов, что они слишком обрусевшие.

АТ. Русифицированные.

АЧ. Это процессы общественного характера, низового. Есть третий фактор. То, почему, Алия правильно сказала, с какого-то момента, СВО, говорить: «Россия — враг, Россия — оккупант, Россия один раз нас захватила и другой раз опять хочет захватить» — стало можно. И можно стало не потому, что в обществе какой-то процесс произошел, и даже не потому, что какие-то западные грантодатели активизировали работу в этом направлении. А потому что — есть такое понятие «социум власти», в каждой стране свой —

социум власти напрягся.

Докопался Путин до украинцев с их евроинтеграцией. А до кого он докопается в следующий раз? А за что он может до нас докопаться?

ИК. Их глазами это очень понятно.

АЧ. Их глазами, на их позицию встать. И самое-то главное *что* здесь, что в том же самом обществе, на уровне обычных людей, огромная до сих пор инерция и тяга — жить в мире без этих границ.

СУ. Я больше добавлю:

не в СВО дело. Началось это после Крымского прецедента.

АЧ. Ну, конечно, да.

СУ. А именно вхождение части другой республики добровольно и с песней. Это очень важно. Это не история, например, с Карабахом, где местные жители куда-то исчезли, а территорию присоединили. А потому что — добровольно, с песней, с русскими флагами, с референдумом. И это очень сильно напугало все постсоветские элиты. Без исключения.

Это страшно напугало. Я это очень хорошо помню. Как раз 2014 год — это пик моей деятельности, «Однако. Евразия» наш спецпроект. Я постоянно в Казахстане тогда массово бывал. Никто ничего не понимал. Как это? Что это? Это начало новой эпохи в истории России, когда у России нет границ. Это же формулировка на самом высшем уровне.

АЧ. Границы России нигде не заканчиваются.

СУ. И это очень напугало. Порадовало только в Приднестровье и в Южной Осетии. Из того, что я наблюдал. Это прям порадовало. Там, где проходили референдумы о вхождении в состав России. А везде, даже у наших самых близких союзников произошло очень серьезное возбуждение. И в том же Минске начали открыто проводиться всякие разные выставки, посвященные Крымской весне, только после кризиса 2020 года.

АЧ. Да, между 2014 и 2020 там пошла, наоборот, беларусизация. Началось прямо дистанцирование.

СУ. И националисты очень пугали, например, вокруг учений «Запад-2017» — я помню очень хорошо, как это было — что сейчас будут совместные учения, они же как раз проходили на территории Калининградской области и Республики Беларусь. И что сейчас русские войска будут на учениях, а потом не уйдут русские с этих учений и произойдет захват.

Я помню политизацию внутри всего этого. Пиком это было, я наминаю, «дело 33 богатырей», вагнеровцев. Это как раз накануне кризиса 2020 года, когда вброшенный слух подхватили тогда прозападные медиапрослойки, подхваченные одним-двумя провластными, кстати, политологами, понесли. Вспомните дело — это был чуть ли не международный скандал. И только благодаря нашим журналистам, которые вскрыли, какая это была подстава...

АЧ. И Виктору Лукашенко.

СУ. В целом, да. Почему оно вспыхнуло? Потому что все поверили, допустили эту мысль. Никто не сказал: давайте разберемся, что это вообще такое. Это важнейший фактор напряжения, и он никуда не снимался. Особенно у всех, с кем Россия граничит. Я вспоминаю, тоже после 2014 года: в Таджикистане, в Киргизии, там, где нет прямой границы с Россией, это не очень возбуждается.

ИК. Понятно. Алия, что скажете?

АТ. У нас это север Казахстана. Наши националисты действительно пугают, что русские на север Казахстана... Вы тут однажды с меморандумом, мы хотим в Россию. И очень давят.

АЧ. И главное, многие казахи тоже будут не против.

ИК. В общем, этот фактор тоже тогда нужно будет учитывать. А я вот еще докину. Может быть, одна из возможных сложностей, проблем отношений России и Казахстана — это привычка все-таки воспринимать друг друга через образы 90-х годов и СССР. А между тем Казахстан как-никак формирует собственную идентичность, собственные национальные интересы. И через эту оптику тоже нужно смотреть.

Что россияне, как мне кажется, Россия сегодня не понимает о современном Казахстане? Как скажете?

АТ. В принципе, мы не против казахской самоидентичности, наших традиций, но не с вытеснением русских людей, нашего русского языка. Мы привыкли, в принципе, я считаю русский язык родным языком, и многие казахи так считают. И здесь не только мы восстанавливаем свои традиции, обычаи, язык развиваем, а мы вытесняем целенаправленно русских. Мы не хотим, чтобы русские, в принципе, жили в Казахстане. И действительно этот момент нас очень сильно смущает — людей, которые не хотят допустить таких процессов.

ИК. Но это же не мейнстрим, я надеюсь.

АЧ. Как сказать.

СУ. Это очень сложно. Надо всегда смотреть на результаты референдума 1991 года. Он очень важный, с этого все и началось. Сначала, прежде чем начались парады независимостей, был референдум о сохранении Советского Союза. И вот, например, в Казахстане за сохранение было 94%. Для сравнения, на Украине это же было 70%, в Украинской ССР. В СССР это был 71%, 72 почти процента. В общем, 75. Вот Украина — 70, Белоруссия — 82. А Казахстан был лидером: 94%. Там эти настроения, что не нужно разрушать большую страну, были свойственны не только русским или немцам, которых было тогда еще очень много в 1991 году.

Это было настроение подавляющей части народа Казахстана и казахов самих, этнических.

Потом, когда началось уже нациестроительство — а я это неплохо помню, это 2000-е годы, был глубокий экономический кризис в Казахстане, он очень жесткий был. А нациестроительство потом началось с того, что продолжалась многовекторность. С одной стороны утверждалось, что мы многонациональный народ Казахстана, даже ассамблея народов Казахстана создавалась. А республика после большого «назарбаевгейта» очень быстро начала интегрироваться в западные структуры. Причем именно с Британией.

Начался процесс западнизации, такой же, как был у нас при раннем Ельцине. Десантура советников. Риторика была, с одной стороны, о том, что мы — наследники большой страны. И даже было интересно, что я наблюдал: «без нас собрались в Беловежской пуще», — Назарбаев...

АЧ. Любимая тема была у елбасы.

СУ. Нас выгнали из рублевой зоны. Мы даже обиженные, что без нас разрушили Советский Союз.

А внутри проходила очень быстрая западнизация. Причем именно «британизация». И открывались активно вузы. У нас такого не было, насколько мне известно. В той же Алма-Ате — и западные вузы, и арабские. Очень двунаправленные были процессы. И это результат того, что действительно нужно было создавать новую идентичность, которая сначала называлась «казахстанцы». Вот, мы — патриоты новой страны Казахстан, которая возникла. Она является наследницей Казахской ССР. А потом это все забывалось, забывалось, забывалось. Памятники, кстати, советским вождям очень быстро перенесли везде. Без украинских скандалов, когда сбрасывали с постаментов, а просто — раз! — и спрятали, их просто нету. Так что эти процессы очень давние, 30 лет им.

АТ. Хотя Казахстан вышел последним из состава СССР и последним принял независимость как раз-таки, все верно, да.

ИК. Отсюда тогда логичный вопрос. Что произошло за последние эти 30 с лишним лет?

АЧ. Мы слона-то не заметили. Все-таки действительно, во-первых, единственная страна на постсоветском пространстве, в которой произошел перенос столицы.

СУ. Да, да.

АЧ. И, конечно, как жительницу Алма-Аты, очень интересно поспрашивать, как алмаатинцы реагировали на то, что они теперь не столица Казахстана, и что начальство поухало. Раскрою карты — меня не то чтобы шокировало, но изрядно удивило в Астане, когда я туда приехал, рассказы местных: знаете, у высшего чиновничества же как? Очень просто. Два дома. Один в Астане, другой в Алма-Ате. Две семьи. Одна там, другая там. Предпочитают друг друга не замечать. Ездят оттуда сюда. Там поживут, тут поживут. Там поживут, тут поживут. Я на это смотрел, хлопал глазами. Думаю, ничего себе люди дают. Я не хочу завидовать, но как это? Причем описывалось это как обыденная, рутинная [практика].

СУ. Стала нормой.

АЧ. Да, норма такая, в порядке вещей.

АТ. Как алмаатинцы реагировали? Я была маленькая и часто от взрослых слышала: перенос

столицы — потому что у нас там пустеет территория и нас Россия может захватить. Вот одна из причин, самая основная: перенос столицы из-за России. Страха перед Россией, что Россия посмотрит: так, у вас там много территорий, давайте-ка нам. Собственно, это причина.

АЧ. Очень интересно. Никогда так не думал. Я наоборот думал, что елбасы поближе к России передвигает столицу оттуда, с юга. В географический центр большого Казахстана. Но нет.

СУ. Я тоже очень ждал, что начнутся этапы интеграции новой столицы — логично — с Новосибирском. Это рядом. Крупный научно-технический, производственный, логистический центр. Огромное количество студентов всегда было, с советских времен, в Новосибирске, из разных регионов. Именно северного и северо-восточного, получается, Казахстана, в Новосибирске. А — нету. Я думал, что построят как «Сапсан» у нас, ВСМ, Астана — Новосибирск.

АЧ. Кстати, рекламная пауза родного Минтранса. Вот буквально только что в Минске подписали ВСМ Москва — Минск. Три часа езды из Москвы до Минска.

ИК. Да, это правда.

Хорошо. Что нас тогда связывает сейчас? Давайте вот на этом остановимся. Правда, важно понимать со всех сторон, какие у нас политические взаимоотношения сейчас, какие экономические, культурные, что самое важное, и географические тоже вы упомянули.

АТ. Мы состоим в ОДКБ, в ЕАЭС, у нас президенты прекрасно между собой ладят.

ИК. Это мы все знаем.

АТ. Но кроме Токаева никто из политиков у нас не говорит, что в Казахстане, в принципе, у нас рост национализма, надо дружить с Россией, с русскими людьми, у нас общая история. Только на уровне президента, которого саботируют, и часто чиновники на низах либо сознательно не слышат, либо не хотят, делают по-своему.

ИК. А как это выражается?

АТ. У нас языковые патрули, которые чудесным образом перебрались в соцсети, и людей сейчас русских вылавливают буквально в соцсетях. Специально подставляя, выводят на эмоции и записывают видео, там они где-то что-то сказали. У нас был буквально пару месяцев назад случай, когда в Павлодаре двух русских мужчин, они были немножко подвыпившие, пытались объяснить, что мы живем в Казахстане, мы любим Казахстан, мы здесь родились, у нас тут предки. Но казахи, наши казахские националисты, оскорбили их мать. Они вывели их на эмоции и записали видео. Тут же наш казахский националист побежал с полицией в их дом, и полиция тут же их арестовала. Быстренько состоялся суд.

Мы даже не успеваем среагировать на такие процессы, потому что мы не знаем. Мы только узнаем эту информацию, когда начинают радоваться наши казахские националисты: «О, арестовали, вот, Казахстан, молодцы». И мы только тогда узнаём. Это происходит настолько быстро, что люди не могут выстроить свою защиту. Не могут обратиться к общественности. Все это происходит настолько быстро и молниеносно.

АЧ. Знаешь, Иван, что я заметил по этому рассказу? У меня прямо тренькнуло дежавю. Это же приемчики из молодежной уличной политики нулевых. Это то, чем занимались и тогдашние оппозиционеры уличные, молодежные, и прокремлевские молодежки тоже. Это такой акционизм. Грабли подкинуть под колеса какому-нибудь послу.

ИК. Спровоцировать.

АЧ. Да, да, да. Причем этот акционизм еще и, как правило, профессионализирован. Ребята делают не из любви к искусству, не из амбиции, не из жажды сделать карьеру, а за небольшой прайс. Потому что сзади за этим всем стоят политехнологии, которые как раз условно утверждают сетку медиаповодов, проектов, акций. Да, это акционистский стиль политики. И по этой сетке дальше работают. Темники, разгоны.

СУ. Технологии видны неприкрытые. Они вскрываются, когда видят, что сбивают тех, кто зарабатывает авторитет сетевой. Я считаю, очень показательная история с «Северным казахом», которая была в прошлом году. Вот ее прям стоит разобрать. Человек занимал абсолютно интернациональную позицию. Если посмотреть его ролики, там именно о дружбе народов, о связи истории. Но его, насколько я понимаю, спровоцировали в комментариях во время прямого эфира.

Давайте, расскажите немножко больше коллегам. Я-то в курсе.

АТ. Был прямой эфир. Он часто выходил в прямые эфиры и пытался вразумить наших русских националистов, что Россия не враг нам вовсе. Я всегда против таких прямых эфиров, потому что доказать что-то абсолютно невозможно. Здесь даже были у нас прямые эфиры, когда русские люди заходят в эфиры к казахским националистам, пытаются объяснить, что мы-то ваши люди, мы-то коренной народ, мы всегда за вас, любим Казахстан. Бесполезно. Там происходит мат, унижение полнейшее.

Тут точно так же Аслан пытался объяснить, его вывели на эмоции. И кого-то он там послал матом. Я считаю, здесь ничего сверхкритического нет. С учетом того, что говорят на этих стримах сами казахи. От этих стримов становится страшно, потому что в открытом доступе есть стрим, где казахи обсуждают, буквально цитирую: «Если какая-нибудь будет заварушка в Казахстане, вырезайте русских». Это дословно цитата из этого стрима.

ИК. Это какие-то националистические стримы специальные?

АТ. Это обычные казахстанские стримы казахов. Но знаете, их настолько много, что сказать, что они проплачены... Может быть, проплачены блогеры, человек 10. А остальные по велению своей души: они так хотят, они так видят, в принципе, они видят Россию, русских людей врагом. Им просто дали команду и они, прикрываясь патриотизмом, озадачены как можно больше засадить русских людей в тюрьмы.

АЧ. Я все-таки как политехнолог хочу здесь внести различие. Одно дело — это настроения в среде. Это — действительно какие-то реакции, как люди себя ведут. А другое дело — это когда речь идет о целенаправленной последовательности действий.

СУ. Провокации именно.

АЧ. Провокации, запись. Дальше тут же, немедленно поход в какие-то правоохранительные органы, в суды и так далее. Это совсем другого типа явление, чем когда просто кто-то что-то сказал: будем русских резать.

АТ. Это целенаправленно все происходит. Это записывается, и полиция на подхвате и готова...

СУ. Там как было, Алия, давайте картину восстановим.

АТ. Давайте про Аслана.

СУ. Про Аслана. Это очень важная история, он был мегапопулярен. Он стал популярнее всех этих националистов буквально за 3-4 года. Он действовал во всех соцсетях, я за ним наблюдал. Он очень яркий, он очень фактурный, кроме всего прочего. Он прям попадал в архетип настоящего батыра.

Сначала его пытались травить. Есть такой деятель Кузаиров, который на всех строчит сразу доносы.

ИК. Это кто такой?

СУ. Это тоже блогер мелкий. Диас Кузаиров его зовут. Я даже на него подписан.

АЧ. Он и сейчас опять.

СУ. Он продолжает. Это уже направленная деятельность. Он сначала пытался на Аслана натравить людей: типа давайте мы его запрессируем лично. Но потом остановился, потому что так можно было и самому попасть под статью. И дальше, начиная где-то с 2023-2024 года, началась именно травля «Северного казаха», целенаправленная. Его провоцировали: «Ты сепар, ты сепар», эта была тема. «Ты хочешь, чтобы было как в Крыму». А у него была позиция какая? «Я не хочу, чтобы из Казахстана была новая Украина». Это была его идеологическая позиция. Кроме мировоззренческой — про дружбу народов и интернационализм. И он ее удерживал.

И на протяжении двух лет — я очень внимательно за этим следил — он удерживал здоровую эту позицию, пока во время прямых эфиров к нему не начали приходить уже конкретные провокаторы.

АЧ. Заряженные.

СУ. Заряженные, да. И кто-то явно отслеживал — там же шел чат. Была трансляция и просто шел чат. Представляете, трансляция, у нас в стриме в чате — вот так идут сообщения. И кто-то подлавливал, целенаправленно спровоцировал. В этот момент этого чата его поймали, все быстро записали. И на основе одного эпизода оперативно: сначала административку ему дали на 10 суток или на сколько. И потом оперативно — 3 года 9 месяцев. Все, ушел «Северный Казах». А все остальные, кто его провоцировал, растворились в тумане, их как бы нет. На самом деле же две стороны всегда у такого конфликта. И тот, кто провокационные вопросы задает, тоже тогда, по идее, должен понести ответственность. А все, кто появляется в комментариях... Я даже у себя это видел, когда проводил ряд... «Режь русских! Алға, Қазақстан! Слава Украине!» И самое главное, мы же не можем понять даже, с какой это территории. Это может быть не из Казахстана. Провокатор может сидеть где угодно — в Прибалтике...

Все, и упаковали «Северного казаха». И сейчас по этой же схеме двух тоже — вот, последняя история...

АТ. Вернемся к Аслану Толегенову быстренько. Я с ним была заочно знакома, и когда я собиралась уезжать в Россию, я говорю: «Аслан, как ты думаешь, я собираюсь уезжать из Казахстана в Россию, потому что себя чувствую не в безопасности, у меня прикрыли счета» — по статье «Пособничество терроризму». Я считала это неким предательством, что я уезжаю, оставляю русских людей. Ведь каким-то образом я у них была надеждой. Такие как Аслан Толегенов, Анастасия Ахметова. Люди, которые действительно пытаются хоть как-то ослабить этот националистический пыл у казахов. И он мне выдает: «Я тоже уезжаю, если меня не

посадят до сентября». То есть он уже знал, что это может случиться. И в июле, буквально не хватило пару недель, появляется запись на Ютубе: «Я нахожусь в СИЗО. Ко мне пришли. Знайте, что я здесь нахожусь».

Его якобы задержали за мат в прямом эфире. И я тогда уже начала бить панику. У нас многие блогеры казахские, казахстанские: ну ничего страшного, за мат. Ну отсидит 10 суток и выйдет. Я уже тогда знала, что уже не выйдет, возможно, не выйдет. И мы тогда уже начали очень открыто об этом говорить. Со всеми блогерами, которые находились в Казахстане, — журналисты, блогеры, — с ними поговорили, и многие сознательно уже отказались от своей идеи вести блог, а кто-то просто начал переобуваться.

И в Казахстане практически никто в его защиту не говорил. Сразу. Через некоторое время уже начали снимать ролики. Мы начали собирать сумму на адвоката. Знаете, есть такая составляющая, что он был не готов выстоять именно заключение, потому что его, в принципе, закрыли от соцсетей. Он не знал, что происходит, что мы здесь разгоняем общественный резонанс, пытаемся его защитить. Он был дезинформирован. И это задача правосудия в таких ситуациях, когда они пытаются человека просто ограничить со всех сторон. Со стороны родителей, со стороны его мамы — она говорит: «Вот не надо, давай потихонечку, может быть, мы договоримся со следствием».

Но из этой ситуации видно, что договориться со следствием не получается. С другой стороны — адвокат, который либо осознанно, либо неосознанно становится на сторону обвинения и помогает усадить своего подзащитного, за его же деньги. Потому что, в принципе, очевидно, что это был политический заказ.

ИК. Я, знаете, братцы, о чем сейчас думаю. Вот мы разбираем какие-то конкретные случаи, и вопрос действительно тонкий, болезненный, сложный. Я ловлю себя на мысли: что все-таки опаснее для межнационального мира? Замалчивать реальные проблемы или каждый бытовой конфликт превращать в доказательство какой-то межэтнической войны и проблем?

АТ. Если мы будем замалчивать, случится вторая Прибалтика. Я разговаривала с одним журналистом.

ИК. А если мы будем фокусироваться?

АТ. Мы не можем говорить про Казахстан, что есть там русофобия. Почему? Потому что у нас в Казахстане законодательно запрещено признавать этот факт. В России тоже. А Россия тоже не признает, что в Казахстане есть русофобия. Он говорит: когда случится так, как в Прибалтике, тогда уже будет можно. Я говорю: тогда уже будет поздно.

СУ. Там причем идет ложь откровенная. Я не хочу пиарить персонажа, называя фамилию. Но он сейчас стал, кстати, депутатом парламента правящей партии. Там откровенная ложь. Я просто сейчас цитирую его пост специально. «Тебя, во-первых, называют Чадаев (москвич, похожий на русского)». Понятно, на что намек. Да? Это еще пост от 6 ноября 2025 года, год назад. В чем предъява к тебе конкретно? Причем он достаточно популярен, как для казахстанской аудитории. Ты пиаришь украинских эмигрантов. Щелин из Харькова, оказывается. Москвич, в МГИМО учившийся. Павлив из Донецка. Ладно. Уралов из Львова.

АЧ. Видный украинский эмигрант.

СУ. И это волна, которую гонят вполне себе легальные деятели, которые сейчас стали депутатами парламента. Это откровенная ложь и чушь. Но цель ее какая? Дискредитация

всего, что связано с Россией. А — интересно, кто из беглых украинских олигархов на это дает деньги? Медведчук, Янукович или Азаров? То есть ты продался украинским олигархам, и за деньги украинских олигархов...

АЧ. Ясно. Тогда у меня опять на стол, извините, буду настойчив и настырен... Вот мы сказали: да, есть процессы в обществе, есть влияние внешних сил, а есть страхи и опасения элит. И вот я возвращаюсь сюда. Особенно согласен с поправкой Семена — с Крыма, а вовсе не с СВО обострившиеся.

Ведь тема Советского Союза — это же не только про единую землю и общее пространство. Тема Советского Союза — это еще и про собственность. И если ты особенно не при власти элитарий, а при деньгах, ну или при каком-то значимом куске экономики, сидишь и с нее кормишься, то любой намек на тот или иной несоветский, не побоюсь этого слова, ренессанс, реванш, назовите как хотите, сразу же крючком цепляет за собой вопросы: а ты откуда такой богатый, дружище?

Разумеется, именно эта связь делает всех олигархов во всех постсоветских странах, вне зависимости от того, что они думали... Посмотрите на Рината Ахметова. Донецкий, татарин, никаким местом... Что он сейчас? Спонсирует националистов. Эти нацбаты, уже корпуса. Каждый раз, когда откуда-то всплывает тень наших общих корней — советских, не имперских, советских, — тут же немедленно у национализма, у активистов, блогеров, у депутатов, у разных таких государственных деятелей появляется платежеспособный спрос на их активную деятельность.

Возникает игра в защиту активов. Поскольку все они, все активы, все капиталы обязаны своим формированием именно той самой Беловежской пуще. И, как только она ставится под вопрос, они все тоже ставятся под вопрос: а ты откуда такой взялся? Разумеется, они будут себя защищать единственным способом — это единственный сценарий — раскармливать карманных националистов. Везде и всюду, включая Россию. В России это чуть по-другому выглядит, но с интересной особенностью. Это такое... Помнишь эту фразу, что русскую оккупацию надо заслужить?

СУ. Да. Не зря наши советские предки выделяли отдельную категорию — буржуазный национализм. И вот когда начинаешь изучать биографии... Например, я Шептицкого изучал, то, что [мы с Русланом обсуждали, отцом Андреем](#), униата. Он же был крупнейший землевладелец и первый банкир еще в межвоенной Польше. Ему это было позволено. Мало того, что он был униатский кардинал. У него были конкретные конфликты с польской элитой. И ему нужна была ООН, в том числе для защиты активов. Это вообще не обсуждается, что он был крупнейший землевладелец еще с австрийских времен.

АЧ. Правильно, правильно, Семен. А отсюда уже мостик к тому, что сейчас рассказывают казахским детям в современных школах в Казахстане. Когда условная борьба с басмачеством и деятельность советской власти против хозяев, тогдашних хозяев земли, понималась как борьба с национальным движением и подавление национального сопротивления. Потому что глазами советской историографии понималась как борьба как раз-таки с классом эксплуататоров. А как только вектор сменился, эти же эксплуататоры немедленно стали как раз-таки национальной элитой. И, соответственно, прямыми предшественниками и прямыми образцами, ориентирами, прототипами нынешних баев.

СУ. Это везде наблюдается. Потому что отъем собственности, который совершала советская власть, воспринимался как покушение на национальную идентичность. Хотя, если мы посмотрим чисто на статистику, то, что у нас националисты предъявляют советской власти, —

это как раз процесс коренизации. Массовое открытие национальных школ, вообще все, что было везде.

АЧ. Да, та же казахская литература.

СУ. Конечно. И включается шизофрения: эта националистическая пропаганда обвиняет, что уничтожили цвет нации и все уничтожили, а наша — в том, что наоборот потакали местному национализму. И у человека, который в это погружается, просто голова ломается. То есть как? Так что же мы в результате сделали-то? Русские советские оккупанты. Не отдельно «русские» и «советские», а русские советские. Что же мы сделали? Мы все-таки элиту уничтожили? Или школы массовые? В чем вина наша?

АЧ. Или всех заставили учить...

СУ. Казахский, азербайджанский, украинский язык.

АЧ. Украинский язык.

СУ. И тогда включается история, что человеку, стоящему на русских советских позициях, — я это на своей шкуре испытал еще, студентом когда был.

АЧ. Во Львове.

СУ. Во Львове, да. Что нужно постоянно каяться. Как это — платить и каяться. То есть ты должен и за то, что ты русский, каяться, и за то, что ты советский, ты должен каяться. Вдвойне. И поэтому должен закрыть рот вообще. И не вякать.

АЧ. А вот, Алия, у меня тогда к вам вопрос. Если поставить себя на место казаха, казаха по рождению, по крови и так далее, именно из бедных, которые благодаря советской власти получили возможность образования, карьеру, образование, язык, перебраться в город, вообще открыть мир, как Абай в свое время говорил, что русский язык нам открывает мир. Как этот факт переламинается сейчас в головах на эту идею про русскую оккупацию, если то, кем ты есть, и произошло благодаря, собственно, русской оккупации.

АТ. Нас заставили учить русский язык, а мы вовсе не хотели. Наши казахские националисты, молодые активисты об этом говорят. И нам сейчас не в пример Абай. В его качествах нет того, что мы хотим видеть в современном казахе. В современном казахе мы хотим видеть алаш. Чтобы человек, молодой казах, был выучен за рубежом и обязательно образование было англоязычным. То есть уже Абай для нас не авторитет вовсе. История переписывается, и герои становятся абсолютно другими.

АЧ. То есть окном в мир становится английский, получается.

СУ. Не тот мировой язык выучили.

АЧ. Неправильный.

СУ. Неправильный, да. Отстающий.

ИК. С одной стороны, это тоже вызывает вопросы. Очень много ребят из Казахстана поступает к нам в Россию по линии Россотрудничества. Как одно с другим бьется?

АТ. Я все-таки считаю, что те казахи, которые приезжают в Россию, лояльны, дружелюбны к

России. Потому что иначе смысла нет. Если вы не любите русских людей, русский язык и Россию, вам не нужно в Россию в принципе приезжать. Это касается всех народов. Инородцев, из Средней Азии. Абсолютно всех. И те казахи, которые приезжают получить образование в России, значит, все-таки с ними все еще хорошо.

ИК. Братцы, давайте немножко отделять зерна от плевел. Расскажите мне про казахстанские регионы. Разницу — Алексей упомянул — между Алматы и Астаной, северными и южными регионами.

АЧ. Ты говоришь Алматы, обрати внимание.

ИК. Да я уже привык.

АЧ. А Алия упорно говорит Алма-Ата.

АТ. Мы говорим Алма-Ата, да.

ИК. Это тоже такой вопрос: Белоруссия или Беларусь.

СУ. А почему ты Київ не говоришь?

АЧ. Київ, да. Давай, говори.

ИК. Не устоялось в языке.

АЧ. И Алматы так-то не очень устоялось.

СУ. А станция метро, обратите внимание, в Москве не «Алматынская».

ИК. Алма-Атинская.

СУ. Да, и через дефис, между прочим. Обращаю внимание. Тогда Київ давай, во всех записях.

АТ. Это как киргизы. Мы не киргизы, мы кыргызы, через «ы».

ИК. Ну, слушайте. Не надо меня сейчас провоцировать.

СУ. Это просто пример, как оно в мышлении живет.

ИК. Как сказал, так сказал. В моей голове это, наоборот, реверанс в сторону национальной идентичности. Вот, пожалуйста. Говорят казахи: Алматы. Мне, что называется, несложно сказать так же, как говорят казахи. Ничего в этом страшного я для себя не вижу.

АЧ. А как говорят казахи?

АТ. Алматы.

ИК. Алматы говорят.

СУ. Это официальная письменная речь. А как говорят жители города, я не знаю. Вот как они чаще?

АТ. Мы, русскоязычные, говорим «в Алма-Ате». А вот кто уже пренебрежительно говорит о нашей общей истории, называя Советский Союз совком, они говорят «Алматы».

АЧ. И не склоняют.

ИК. Нет, я одно с другим не связываю.

СУ. Слушай, та же история была: Одесса с одной «с» или с двумя?

АТ. Это уже звоночек. Уже можно по этому определить, к кому он относится.

СУ. Это проявление политической позиции. А у белорусских националистов была история про Минск. Я обращаю внимание. Если ты вспомнишь. Все, кто БЧБ-шники, у них всех был Минск, Минск, Минск.

АЧ. И Таллинн с двумя «н».

СУ. Поэтому это маркер.

АЧ. Это когда Зеленского спросили — он в Нью-Йорке-то был — его кто-то: типа, когда в Россию поедете, Владимир Александрович? Он матом: «На ракете!».. И тут же немедленно кто-то из толпы — это обрезают, но просто потом сказали, что не «на», а «в», Владимир Александрович.

ИК. Ну да ладно, вернёмся. Казахстанские регионы.

АТ. Север и юг.

ИК. Да.

АТ. Так сложилось, что многие говорят: Север более русифицирован, там больше русских. Но на самом деле, действительно, когда я приехала после долгого отсутствия в Казахстан, в Алма-Ату, я с удивлением обнаружила, что русских уже нет практически нигде. Даже приходишь в ресторан — они там не работают. В аптеках, в госучреждениях — я вообще молчу, их там нет от слова совсем. Может быть, на руководящих должностях, где-то в банках еще задержались. На севере — я пересекала границу через Петропавловск, я приехала в этот город, — я была поражена. Я говорю мужу: сколько твоих родственников здесь?

ИК. Там очень много русских.

АТ. Их очень много. Это огромный диссонанс в моей голове. У нас в Алма-Ате их практически... Они есть. Но по сравнению с севером это очень выразительно. Ты видишь их в супермаркетах, в аптеках. Они работают практически везде. В огромном количестве. Помимо того, что это просто люди живут. Они везде работают.

ИК. Говорят они по-русски в основном.

АТ. Ну конечно.

АЧ. Так я думаю, что в Алма-Ате в быту, в разговоре все еще русский доминирует. Именно в городе. Не всегда уже, по наблюдению. Давно тоже [был], наверное, еще в доСВОшные времена. Но подозреваю, что все еще именно в городе русский доминирует.

АТ. Как бы ни пытались превратить наше общество в моноязычное, русский язык, конечно, достаточно активен. Но молодежь 20-летняя — она не то что не хочет говорить на казахском языке, она его уже теряет, она его не знает.

ИК. Русскоязычная молодежь?

АТ. Казахоязычная. Казахи, обычные казахи — они не говорят. Мы их упрекаем: вот вы не говорите на русском, потому что вы не хотите. Вы специально хотите создать конфликт. Ну а я казахский... я, например, на казахском не говорю. Я его понимаю прекрасно, но не говорю. И говорить о том, что я его буду учить... Зачем я буду обманывать себя и людей? Я не могу его учить, потому что у меня нет достаточного времени, и я не вижу в этом рационального смысла.

ИК. Понятно. Но при этом... Вы не видите рационального сейчас обоснования, чтобы учить казахский язык. Объясните, как 20-летнему казаху объяснить, зачем ему учить... [предложите] рациональное обоснование, зачем ему учить русский язык. Давайте тоже поставим себя на его место.

АТ. За фразу, что казахский язык за пределами Казахстана не нужен, могут вполне себе наградить штрафом или тюремным сроком в Казахстане. Это действительно правда. За пределами Казахстана казахский язык мало нужен. Потому что на нем не говорят. Он не станет седьмым, восьмым языком международным.

ИК. Ну и что? В мире тысячи языков.

АТ. И приезжая в Россию... Как-то меня казахи очень критиковали: «Мы хотим свою идентичность, мы хотим говорить только на казахском». Вы станете узбеками. В далёком будущем, возможно, когда вы уже приедете, вытеснив русский язык, — у нас всё по-казахски. Как уже в принципе в Узбекистане, в Кыргызстане: там решили, что без русских вполне себе могут жить. Сейчас у нас мигранты — это узбеки, таджики, кыргызы, и уже без хорошего знания русского языка. Точно так же может случиться с казахами.

На границе с Москвой, как-то давно я приезжала, лет 10 назад, слышу речь — говорят казахи. Я была поражена, что они не говорят на чистейшем русском языке. У них таможенник спрашивает: зачем вы приехали. Они уже еле-еле ответили, что приехали на работу. Русский язык нам необходим, казахам. Потому что за пределами — даже если хотят получить информацию, те же научные деятели будут обращаться к русскому языку. Потому что нужен доступ к той же науке и так далее. Без русского языка невозможно.

АЧ. Есть тонкий фактор: например, население Узбекистана в полтора раза больше населения Казахстана. И рождаемость в полтора раза выше в Узбекистане, чем в Казахстане. При этом граница между двумя народами нечёткая. То есть старший жуз, скажем... Примерно как у нас на Слобожанщине.

СУ. Сложно понять, где Чимкент заканчивается, начинается Ташкент.

АЧ. И начинается Шымкент.

СУ. Шымкент, да. И еще перерастает в Ташкент.

АЧ. Да. И, конечно, учитывая то, что земли много, народу мало, а в Узбекистане — все наоборот. То есть оттого, что русский фактор убран за скобки, проблемы-то только начинаются. Потому что следующим наступает вопрос: а вот каракалпаки. Вот когда-то Ташкент был главным в Средней Азии.

То, как я слышу и как я понял Алию, похоже, что это действительно только первый шаг к цепочке кризисов, конфликтов, раздоров, каких-то новых поводов для конфликта. Помните, как напряженно было, когда во время этих событий в Алма-Ате как раз какого-то бедного

киргизского джазмена задержали и побили, приняв за террориста и шпиона.

СУ. Да, был такой скандальчик.

Смотри, Иван, про русский язык. Это нужно очень четко зафиксировать. Как только мы делаем противопоставление любого русского языка как мирового региональному или национальному — мне просто нравится лингвистическое «региональный язык» — то это ведет к безграмотности населения в ходе именно противопоставления. Они в результате не знают нормально ни русского языка, ни казахского. А особенно теряется доступ к казахской культуре, национальной культуре XX века, которая пика своего достигла в рамках советской античности. Все, конец, безграмотность. Я рассказывал, что я видел и в Харькове, и в Одессе, — это когда пишут по-русски украинскими буквами. Здесь то же самое происходит. Потому что рядом есть только один еще мировой язык, с которым чисто теоретически, например, Казахстан мог бы интегрироваться, — это Китай, который по соседству находится.

А нравится русский язык, не нравится русский язык — ты же филолог по образованию, это результат тысячелетней фактически интеграции Руси со степью.

ИК. Я с этим как раз-таки не спору.

СУ. Так в результате не буду знать ни того, ни другого. А чем более одичает народ, тем проще им манипулировать. Ну, всё, и тогда пошла жара, национализм. Только подбрасывай поленья в огонь, и всё будет разгораться. В Молдавии то же самое, мы обсуждали. Это не нам нужно в первую очередь. Это нужно местным жителям в первую очередь. Сохранение, чтобы русский язык к ним относился как к родному языку. И вот это главная задача.

ИК. Мне кажется, это очень сложно доказать и объяснить рядовому казаху будет. Ну как ты будешь объяснять ему, что это для него родной язык? Ну, не родной, и все.

АТ. Сейчас, например, наши активисты разгоняют, что Великая Отечественная война — это и не наша война вовсе. И Отечество — это не наше.

ИК. А вот это уже другой момент. Здесь как раз-таки интерпретация истории. Потому что язык — это момент тонкий. Я могу понять, когда казахи защищают возможность говорить только на своем языке и не учить какой-либо другой. Был бы я казахом, я бы, наверное, сделал то же самое. Вот попробуй меня, Семен, заставь учить тот же китайский какой-нибудь. Да не хочу я его учить.

АЧ. Товарищи, давайте запишем отдельно в протокол, что вот как запись эфира закончится, я Ваню побью, ладно?

ИК. За что? За что?

СУ. Там и объяснят.

ИК. Вот, вот.

АТ. Так здесь такой тонкий момент, что казахам сейчас внушают, что при советской власти казахский язык вытесняли и не давали говорить на нем. У нас один имам записал видео о том, что...

ИК. Вытеснение — это один момент, здесь тоже не надо путать. Вытеснение насильное — это один момент.

АТ. Казахский язык прекрасно развивался. У нас казахская эстрада... Вот я была маленькая, когда дедушка отдыхал, у него по телевидению домбра играла с утра до ночи, в выходные дни. Это не было подпольно запрещено. Он прекрасно развивался. Роза Рымбаева стала известна именно в Советском Союзе. Он прекрасно развивался. У нас сейчас разгоняют: вот последствия русификации, вот наша деколонизация нашего мышления, и сейчас мы должны говорить, что знать русский язык без акцента — это уже не круто, лучше вовсе не знать. Это абсолютная подмена. Раньше все было иначе. Казахский язык прекрасно развивался.

АЧ. Дайте я объясню, за что я собрался побить Князева после эфира.

ИК. Давай.

АЧ. Любой, кто проповедует безграмотность, причем идейно, любой, кто проповедует, что лучше не учиться, чем учиться, — он мой личный враг. Я, наоборот, всегда считал, что у нас, у русских, проблема, что мы можем везде обходиться одним русским. И как раз-таки у некоренных, или нетитульных, или как назови еще, народов Советского Союза есть перед нами фора. Что с раннего детства их учат думать и говорить на двух языках и переключаться между языками.

Не представляете, как это развивает мышление, какую дает гигантскую фору именно в интеллектуальном развитии. Особенно когда это происходит массово. Когда это происходит не в масштабах одного семейства, а в масштабах целого народа. Насколько это круто двигает все. Когда ты уже в возрасте 3-4-5 лет понимаешь, что одна и та же вещь в разных языковых контекстах может называться по-разному. Тебе нужно уметь между ними переключаться. Сейчас самые богатые семьи специально загоняют своих детей в искусственную билингву, уча два языка сразу.

ИК. Когнитивные способности возрастают.

АЧ. Конечно. Я об этом. Ведь чего добиваются эти деколонизаторы? Они добиваются очень жесткого разделения своего народа на две неравные части. Управляющие — это те, кто действительно знают казахский и английский, мировой язык. Как правило, лучшие из лучших едут туда даже прямо учиться. И их немного. В отличие от советской ситуации, где в каждой школе ты учился на своем и на русском, тут, наоборот, ничтожное меньшинство. И в силу обладания доступом к мировому языку и мировой культуре они получают гигантское преимущество над всеми остальными. И есть те, которые знают только свой, на котором нет большинства современных наук. На котором невозможно — внимание! — создать более-менее жизнеспособную нейросеть. Большие языковые модели на казахском не построишь, материала мало. Материала мало, не соберешь.

СУ. И школы инженерной нет.

АЧ. Да. Совсем уж, что называется, из свеженького. Даже у арабского проблемы с этим. Хотя, казалось бы, сколько носителей, сколько текстов, в том числе письменных. А представьте казахский.

ИК. Убедительно.

АЧ. И, разумеется, эти люди обречены на, во-первых, наследственную бедность. Родители бедные, дети бедные, внуки бедные, правнуки бедные — без вариантов. На отсутствие вообще какого-либо лифта куда-либо. На тотальную политическую манипулируемость и управляемость. Потому что этим людям придут и скажут хозяева жизни настоящие, за кого

они должны голосовать, кого они должны любить, кого ненавидеть, с какими флагами ходить, против кого воевать при случае чего. Вот так будет. Вот это путь, куда ведут. А дальше — мы на Украине видим, как это работает.

ИК. Убедительно, можешь меня побить после эфира.

СУ. Самое главное, что Алексей воспроизвел, — это один в один дебаты в Политбюро в начале советской власти по языковому вопросу. И это был ключевой вопрос. Потому что национал-коммунисты, которые были — мы обсуждали на примере расстрелянного потом и по делам харьковского деятеля — когда коренизация пошла не по тому пути, она как раз пошла по пути противопоставления... Национал-коммунисты во всех республиках посчитали, что они за счет этого создадут свои привилегии, а потом их по большому счету везде поставили на место, и везде во всех республиках двигалось двуязычие. Причем вплоть до того, что в одной школе были одновременно классы и национальные, и русские. Для того чтобы дети учились одновременно вместе. Причем в русские классы брали детей не по национальному признаку. Ты мог учиться в русской школе, будучи молдаванином, казахом, без разницы. Понимаешь, как это работало?

Потому что интеграция должна начинаться еще со школьного возраста. А сегрегация, то о чем ты говоришь... На самом деле, — это метод сегрегации. С помощью языка. Старый добрый рабовладельческий способ. Рабы не должны говорить на языке господ. Все.

ИК. Алия, вот вы коснулись истории — тоже очень важный момент, потому что в мае 2026 года, в этом году, было совместное заявление президента Токаева и президента Путина «О семи основах дружбы и добрососедства народов Казахстана и России». Первая основа там как раз-таки — вот я прямо сейчас читаю документ — «Общность истории и ответственное отношение к ее объективному осмыслению в духе дружбы и добрососедства». Обосновывается там, почему это важно, и так далее, и так далее. Как одно вяжется с тем, что вы говорите, — историю интерпретируют по-другому? Как это происходит, на каких уровнях и почему, если на самом верхнем уровне у нас прямо видно, что первая основа — это общность истории?

АТ. Да, но историю как раз-таки переписывают. Я не могу понять, неужели наш президент Токаев не в курсе того, что историю наглым образом, цинично переписывают? Когда я училась в школе, Россия для нас выступала союзником, что хан Абулхаир пошел в подданство Российской империи, чтобы защититься от джунгар. Сейчас переписывается история настолько, что после 2010 года я открыла учебники: джунгары-то должны были с нами дружить, а вот Российская империя нам в этом активно мешала.

АЧ. Стравила, чтобы потом захватить земли.

АТ. Неужели те, кто выпускает эти учебники, за этим не следят? Все происходит с разрешения сверху. Не может быть того, что сверху...

АЧ. Как ветеран разного рода кабинетов сверху сообщаю, что огромное количество всего происходит не по разрешению сверху, а по недосмотру.

АТ. По недосмотру, да.

ИК. В это как раз-таки охотнее верится, потому что мы из наших собственных учебников десятилетней давности можем посмотреть, сколько страниц было уделено Великой Отечественной войне 10 лет назад, и — когда мы с вами учились. У меня фактически весь учебник был посвящен, как раз-таки по истории в девятом классе, Великой Отечественной

войне. Я наизусть знал перемещение всех родов войск, кто куда — по стрелочкам мог рассказать. А потом этому отводили место на двух страницах, и все. Я уже не говорю какие-нибудь другие факты, тут больше примеров приведете.

АЧ. Давайте уж, я надел шляпу чиновника, которым когда-то был. Вот у тебя 20-30 серьезных вопросов в день, которые ты решаешь. Про деньги, про нефть какую-нибудь, куда дорогу строить. А тут тебе что предлагается? Тебе предлагается сесть и слушать дискуссию каких-нибудь докторов исторических наук, профессоров, академиков заслуженных, уважаемых. С приведением источников, со ссылками на такие-то и такие-то публикации, с поднятием многотомной академической базы того, вот этот факт действительно является историческим фактом.

ИК. Или пропагандой.

АЧ. Документально подтверждено, что такое-то было там-то и там-то или нет. И вот ученые мужи в этих гуманитарных научных советах действительно всю жизнь в этих спорах проводят. А тебе некогда. Тебе — ну, договоритесь уже там до чего-нибудь. Кто на ком стоял, кто кому вошел в какое подданство, кто с кем воевал когда-нибудь, вы мне только уже скажите какую-нибудь [окончательную версию], и все. И с этого момента все решается в этом кругу ученых мужей. Дальше вопрос, как формируется круг ученых мужей. А в этом месте и начинается та самая мягкая сила. Когда людей, которые когда-нибудь будут докторами, профессорами, академиками, подхватывают еще когда они только студенты и аспиранты.

СУ. А в случае с Казахстаном, я разовью твою мысль, все еще усиливается тем, что программа «Болашак», единственная, кстати, в СНГ... В курсе ты про эту программу?

ИК. Нет.

СУ. Это когда самых талантливых еще на этапе старших классов школы отправляли учиться в западные вузы за счет государственного бюджета, и стипендии дают. И знаешь, когда эта программа была создана? В 1993 году. 1993-й — у нас с Верховным Советом бодалово идет, а там — создана уже программа. А я этих болашаковцев потом встречал на круглых столах. Мама дорогая. Это причем доходило до истерики.

Сейчас объясню пример. Был ролик, я показывал перед выступлением, «Однако. Евразия» — что за проект, которым я занимаюсь. И там шел видеоряд всех наших авторов: Анатолий Вассерман. Леонтьев. И в видеоряде у нас Лимонов, он писал колонки. Писал и писал. Болашаковцев порвало, когда они просто на видеоряде увидели. Без всяких акцентов, у нас этих авторов были сотни. И они начали: «А, значит, ты оккупант!» Конфликт был прямо на ровном месте. Я говорю: «Да мужики, я просто»... Ролик, который везде показывается. Никакой цели нету. «Значит, ты приехал пропагандировать преступника государственного к нам». Ну, ладно.

А потом — это 2012-2014 год, когда я активно этим занимался. Там был следующий нарратив, который постоянно продвигали болашаковцы. Во-первых, их видно. Они типа казахи, а по факту видно, что это британцы. Прямо видно, как они себя ведут. Постоянно акцентируют на этом. «Я учился тут-то, я учился здесь-то. Я магистр, доктор, PhD этого-то». И постоянный акцент: «Мы – многовекторные». У нас все круглые столы и мероприятия были посвящены евразийской интеграции. А постоянно: «Мы многовекторные. Это главная цель наша, многовекторность. Интеграция у нас исключительно экономическая. Вы даже не подходите к нам ни с какими гуманитарными вопросами. Это нарушение каких бы то ни было правил».

И мысль, которая всегда продвигалась мировоззренчески: «Россия — это умирающая мировая цивилизация. Есть мировые цивилизации доминирующие, а русская»... И это то, что прошито в голове. Что случилось с человеком, который в Британии учился, причем акцент был сделан именно на британские вузы разного уровня. И теперь эти люди проникли на весь средний уровень, о чем Алексей говорит. Они находятся на уровне госуправления, на среднем.

АЧ. Самое главное — научное и образовательное сообщество.

СУ. И научное сообщество.

АЧ. Те, кто формирует то, чему учить детей.

У меня-то какая позиция? Я считаю, что из всех институтов демократии ключевым является школа.

СУ. Образование, да.

АЧ. Если человек не понимает ничего в политике, как он может сделать выбор на выборах? Если человек не имеет никакого кругозора, как он разберется в тех вопросах, которые обсуждаются? И почему его голос вообще хоть сколько-нибудь важен? Соответственно, кто как учит, тот в конечном счете, в долгу, так и формирует все это. Алия не случайно начала рассказ с личного опыта. Дети, школа, сад. Что говорится, что происходит там. Вот это ключевое.

АТ. Если история переписывается и дети, сидя в классе, воспринимают другого ребенка, русского: «А, твой-то предки колонизаторы», — это оттуда?

АЧ. Конечно. А дальше бить за углом, конечно, как оккупанта.

АТ. Или сценки. 1986 год. Сценки кровавые, как убивали бедных и несчастных наших казахов, которые боролись за независимость Казахстана. И в роли тех, кто убивает, выступают русские люди, советская власть. Русские люди подразумеваются этим самым.

АЧ. А, да, там же были чуть ли не театрализованные представления.

АТ. Да. И что в умах у детей остается?

СУ. Да, а по поводу договоров, Иван, отвечая на вопрос, я тебе цитирую договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной, дата подписания — 1997 год: «Опираясь на исторически сложившиеся тесные связи, отношения дружбы и сотрудничества»... До какого года он не денонсирован был, как ты думаешь? До 2019-го.

АЧ. То ли при Порошенко, то ли уже при Зеленском.

СУ. При Порошенко. Это одно из последних действий, которое Порошенко совершил. Уже конфликт вовсю — «опираясь на исторически сложившиеся связи».

ИК. У нас, слава богу, сейчас нет конфликта с Казахстаном.

АЧ. Хотел сказать — с Украиной.

СУ. Нет, смотри, принят он был в 1997 году. Когда еще даже паспорта были на Украине двуязычные. И вообще русский язык был неформальный, и в судопроизводстве... Он

фактически обладал статусом только... Даже министры еще говорили на русском языке. Даже после первой оранжевой революции министром был бурят Ехануров, я напомним, который вообще не умел говорить на украинском языке.

АЧ. Это еще Николай Янович Азаров.

СУ. Николай Янович Азаров, да. Все эти договоры — это, знаешь, как декларация о намерениях. Вот мы декларируем что-то хорошее, а это вообще ни о чем не говорит.

ИК. Хотелось бы еще немного про настоящее поговорить. Россия и Казахстан сегодня — что связывает, может быть, даже через оптику молодежи. Такой вопрос вам всем, братцы: если наша российско-казахстанская дружба будет держаться только на воспоминаниях об СССР, вглубь веков дальше, то сколько она протянет? Хотелось бы понять, что нас сегодня объединяет, наши дети за что могут зацепиться, что сегодня объединяет 20-летнего русского и 20-летнего казаха.

АЧ. Я тебе только один факт для затравки. У нас есть регионы, в которых казахского населения десятки процентов.

ИК. Класс.

АЧ. Причем это не приехавшие, это люди, которые всегда там жили. Это не только северный Казахстан с большим количеством русского населения.

СУ. Астраханская область, Алтайский край.

АЧ. Конечно, это еще и южная Россия, юг России с огромным количеством казахов по национальности и граждан России, живших там поколениями.

АТ. Казахские земли, как говорят наши националисты.

АЧ. Да. У них тоже есть своя тема.

СУ. Охмуряют наших казахов. Оренбург — это же, оказывается, Орынбор.

АЧ. Орынбор, да.

СУ. Я это как услышал, думаю: что за дичь. А потом смотрю — оно воспроизводится среди этих необразованных людей.

АЧ. Да.

ИК. Хотелось бы узнать, какие совместные проекты? Российская молодежь о Казахстане знает что-нибудь?

АТ. Российская молодежь о Казахстане?

ИК. Да.

АТ. Возможно, знает, я не спрашивала.

Касательно точек соприкосновения в Казахстане, то, что я сейчас вижу, — это массово русские люди уезжают в Россию. И здесь я слышала выступление Лаврова, который сказал: мы заинтересованы в том, что люди в постсоветском пространстве, где родились, там лучше бы и

оставались, потому что это наша общая цивилизация, наша мягкая сила. Но если нашу мягкую силу там сажают, в Казахстане... Люди бегут из Казахстана.

АЧ.

Это наша мягкая слабость.

АТ. Боятся за своих детей. Потому что любой конфликт в школе — придут казах-отец и казах-русский. Мы не будем разбираться, в чем проблема, кто-то кого-то ударил, — он скажет: «Вали в свою Россию», так и будет. И здесь уже действительно, не знаю точек соприкосновения, я вижу то, что происходит. И происходят очень трагические вещи, когда людей за комментарии в соцсетях сажают в тюрьму.

У нас сейчас занятный кейс в соцсетях. Русский мужчина написал: «Нацики тупые, казахский язык за пределами Казахстана не нужен». Казахи восприняли это на свой счет. Но если казахи воспринимают себя нациками, то их нужно сажать — это проблема уже казахов. И кто-то создал аккаунт один в один как у этого мужчины и написал комментарий, который действительно разжигает межнациональную рознь — я не буду сейчас цитировать — с вопросом в конце: «А что вы мне сделаете?» Этот мужчина пошел в полицию, но перед этим его нашли в Алма-Ате. Казах пришел: «Давай извиняйся на казахском языке, выразительно извиняйся», — это унижение человека. Потом они пошли в полицию. И его арестовали. Сейчас он находится под арестом. За комментарий, который он в принципе не писал.

ИК. Потому что это был фейковый канал.

АТ. Да.

ИК. Но это, казалось бы, для юриспруденции несложный кейс.

АТ. Но почему он до сих пор сидит, арестован на 10 дней? Хорошо, это хороший знак, что на 10 дней, а не на 2 месяца. Но сейчас будет следующая постановка вопроса: почему он написал, что нацики тупые? Почему он написал, что казахский язык не нужен за пределами Казахстана? К этому прицепиться — это же полнейший бред. Но у нас такая тенденция, что казахи настолько титульный, что в сторону казахов в принципе и посмотреть нельзя грубо.

Что добился Казахстан за свою независимость? Они возвеличили казахов в титульную нацию, что казахи под собой в принципе земли не чувствуют. Но ведь это было не всегда. Это, возможно, стало после событий в Маловодном, когда произошли чеченские погромы.

АЧ. Кстати, да. Тоже история. Чечено-казахская эта тема в Грозном — я там работал одно время, в Грозном — эта память живет, потому что именно на казахстанские деньги отремонтировано сколько-то зданий, стоят там памятники. Эта тематика живет, и еще живы многие из тех, кто тогда, в 40-е, во время войны, был отправлен туда и потом в 1957-м кого-то возвращали. А многие остались. А многие остались, и тема именно чеченской диаспоры в Казахстане тоже есть, отдельная.

АТ. Но эта история случилась в 2007 году.

АЧ. Да, да, это по историческим меркам совсем, можно сказать, недавно.

АТ. Но так случилось, что я практически была свидетелем. Это Алма-Атинская область, в этом

регионе, как раз в этом поселке проживал мой муж. И это была спланированная акция. Можно, в принципе, провести аналогию с 1986 годом, когда подвозили молодежь, а здесь брали рабочих со всего региона, из Алма-Аты, на автобусах привозили. Подвозили алкоголь в немереном количестве, агитировали: «Вот наша земля, давайте разбираться с чеченцами».

На самом деле задача была гораздо глубже. Они хотели просто убрать Хаджимурата Махмаханова с поста. Он занимал в высшем судействе определенный высокий чин. Они говорят: нет, должен стоять наш казах. Вот вся заварушка из-за чего произошла. Но якобы межнациональный, межэтнический конфликт. Причина как — Колбин у власти, а мы хотим Кунаева поставить, та же политтехнология.

АЧ. Да. Отличный пример. Мне кажется, это надо в какие-то анналы, скрижали.

У нас, из моего опыта работы в ОП, есть такая формулировочка, «харам харамыч». Смычка элементов системы с несистемными элементами. Что имеется в виду? Имеется в виду ситуация, при которой различные группы во власти или — шире — в элите при решении своих вопросов привлекают разного рода маргинальные, криминальные и так далее элементы.

Почему во время известных событий в Алма-Ате в январе 2022 года в итоге довольно быстро заговорщики проиграли? Конечно, важную роль сыграли войска ОДКБ, понятное дело. Но самое главное — как раз административное целое еще помнит этот момент. Что возить автобусами по криминальным сеткам собираемых люмпенов и организовывать таким образом погромы в городе ради того, чтобы порешать вопросы, кто на каких местах должен сидеть в правительстве, в силовых структурах и так далее, — это харам. Это нельзя, это запрещено. И поэтому, когда некоторые это правило нарушили, они проиграли.

СУ. Хотя это

основа всех цветных революций — использование улицы для решения кадровых вопросов.

АЧ. Да, там, где этот принцип забывают, там машинка, конечно, срабатывает. Можно сказать, что это правило — это тест вообще на жизнеспособность или, по крайней мере, иммунитет любой государственной системы. И в этой истории 2007-го, и в 1986-м — совершенно верно — и в 2022-м, это все одна и та же Алма-Ата. В разные периоды, не столь уж далеко друг от друга отстоящие. Но так или иначе мы наблюдаем: запускался один и тот же сценарий. 1986-й, 2007-й, 2022-й. Разные баи, разбираясь между собой, кому на каком байстве сидеть, привлекают неработающую молодежь, организованную в разного рода полукриминальные бригады, для организации — чего? Погрома.

СУ. Сразу — и размяться молодежи, и денег подзаработать, и решить кадровый вопрос.

АЧ. И решить кадровый вопрос.

СУ. Все в плюсе.

АЧ. Да, да.

ИК. Братцы, давайте потихонечку уже близиться к финалу нашего сегодняшнего разговора. По кругу завершаем нашу беседу. У меня для вас всех вопрос. Что сегодня можно сделать, чтобы через 20 лет россияне и казахстанцы по-прежнему говорили друг о друге не просто как соседи,

а свои?

СУ. Ну, я считаю, нужно ставить вопрос через 5-7 лет в первую очередь, когда придет к власти — оно уже начинает постепенно, последнее советское поколение уже будет в меньшинстве... Не только власти, и ЛОМами. В обществе авторитетами будет первое постсоветское поколение. Условно — Зеленский и младше. А это мало того, что люди контуженные 90-ми, что мы многократно разбирали в [ПМС](#), особенно [со Скачко](#), и хорошо это разобрали, где в принципе нравственно-этический стержень сильно подточен 90-ми годами, когда можно все. А во-вторых, те, кто помладше особенно, уже образованы и воспитаны в новой парадигме, где Россия — оккупант, русские — тоже непонятно, то ли оккупанты, то ли понаехавшие. И наоборот. 20 лет — это...

А как это работает, я напому. Встреча — наш российско-казахский форум, который был сейчас в Омске. И у Токаева, президента еще с советским [образованием], главный тезис был какой: «Мы не очень понимаем причины СВО и конфликта между Украиной и Россией». Что значит «не очень понимаем»? Это значит: либо мы недоразъяснили нашему главному союзнику, в чем причины, либо внутри местная экспертиза — у каждого же президента свой аппарат, аналитика — недоработала. Как это мы не понимаем? Тезис же был в этом: мы не понимаем до конца причины этого конфликта.

АЧ. Не забывай, все-таки он дипломат. И поэтому, когда он говорит «не понимаем», он же другое говорит.

ИК. А что он говорит?

АЧ.

«Не понимаем причины конфликта» — в переводе с дипломатического на русский означает: мы считаем, что оба неправы.

Никто из участников конфликта не обладает полнотой правоты, говорит он.

СУ. Следовательно, у нас уже на треке высших правящих элит наша позиция либо недоразъясняется, либо не доводится должным образом.

АЧ. Потому что, по крайней мере, он же опирается на мнение аппарата, общества казахстанского, разумеется. А там действительно очень много позиций тех, которые — как это — оккупанты, риск новой оккупации, восстановления СССР, Россия — исторический враг. Все, что они в школе учили еще, когда детьми были.

СУ. Поэтому 20 лет — это еще очень-очень далеко.

Единственное, что я считаю, отвечая на твой вопрос, — нас очень сильно спасает в истории с Казахстаном то, что нет рядом Польши и Румынии. Потому что все-таки у Казахстана главные два соседа — это мы и Китай. Которым не нужно ни при каких раскладах, чтобы там все пошло по украинскому сценарию. Это не нужно ни нам, китайцам тем более. Учитывая, какие регионы примыкают. Не нужно им это. Точно не нужно. Это является нашей большой страховкой.

А по поводу частности Казахстана, я считаю, что нет отдельного частного вопроса с Казахстаном. И то, что мы обсуждали и [с Аленой Аршиновой](#), и [с Евгением Примаковым](#): нам

нужно решить, какая стратегия у нас. Мы либо забираем всех своих, кого считаем своими, невзирая на их этническую принадлежность. Наши. Русский язык, ценности, культура, готовность жить, работать, служить в России. Либо мы боремся за своих, которые живут там, но действительно как-то за них боремся. Дальше уже большая беседа наша с Евгением Примаковым, какими методами можно за это бороться.

Но нам нужно определиться. Либо одно, либо другое. Одновременно то и другое не получится. Мы либо их признаем иностранцами, живущими там, новыми казахами, новыми узбеками...

АТ. А по поводу того, что происходит в Казахстане, я не вижу, что пойдет на улучшение. И у нас есть политзаключенный — Ермек Тайчибеков, о котором в Казахстане говорить табу, запрещено. Когда я приехала в Казахстан, я увидела случайно его видео. «Это что, блогер?» Идеи, которые мне откликнулись. И я некоторые вполне разделяю. Мне сказали: он посажен, и говорить про него вслух даже не вздумай, это будет тебе свободы стоить. Сейчас его брат бьется за его свободу, чтобы его поместили в другой режим, более щадящий, там происходят пытки.

В России нужны поправки в этот закон, когда гражданство Российской Федерации люди не могут получить, имея судимость. Очень много русофилов, политзаключенных, блогеров, просто русских людей, которые посажены за комментарии в соцсетях, выйдут, дай бог, на свободу, и они захотят уехать в Россию. А здесь в России скажут: так у вас-то судимость? В 2021 году, если не ошибаюсь, запрашивали адвоката Еркека Тайчибекова о гражданстве Российской Федерации. МИД в лице Марии Захаровой сказал, что мы не можем выдать гражданство, потому что у вас есть судимость. Но человек-то пострадал как раз-таки за Россию, за свои убеждения. И таких людей очень много.

По поводу переселения. Занимаемся собиранием своих. Здесь очень много перегибов в системе. Русские люди, которые приезжают в Россию, они никогда, возможно, и в России не были, но они русские. И приезжая в Россию, думают: ну, наконец-то меня никто не попрекнет в моей нации, что я русский. Они приезжают в Россию и целуют землю, стоя на коленях. Вот их первая реакция, многих людей. А в России-то они вовсе не русские, они мигранты. Это был для меня культурный шок, когда в России русских людей называют: они мигранты, они граждане другого государства. Вообще-то это был бывший Советский Союз. Это наши люди, которых послали на целину и поднимать наши республики.

АЧ. А вон сидит гражданин Украины до какого-то, я не помню, года.

ИК. Я ни разу Семена мигрантом не называл.

СУ. Гастарбайтер.

ИК. Я с таким не сталкивался.

АТ. Я была в Госдуме и сказала открыто: мне как этнической казашке стыдно слышать, что русских людей в России считают мигрантами. Получить гражданство...

ИК. А кто их считает мигрантами?

АТ. В России.

АЧ. Государство. У нас же национальности никакой нет как фактора.

АТ. Нужно признавать русских русскими по праву крови. Они говорят: нет. Как мы будем в

принципе понимать, что это русские люди?

ИК. Понятно.

АЧ. Тогда имеет значение исключительно, какое у тебя было гражданство на момент или рождения, если ты помоложе, или...

СУ. А есть гражданства, от которых невозможно избавиться.

АЧ. Ну, да, некоторые. Одно из них — украинское.

СУ. Невозможно от него избавиться. На этом основании у меня 10 лет с конфискацией.

ИК. Алексей.

АЧ. У меня резюме уже было частями в середине передачи. Я здесь больше хотел прокомментировать то, о чем Алия говорит. Мне кажется, глазами наших друзей и наших соратников, единомышленников — все эти слова пафосные, но они плохо работают. Очень даже видно было сейчас, в рассказе про поход в Госдуму.

Главное обвинение к нам — это невнятность.

Невнятность. Объясните, что вы хотите. Когда Алия говорит: «Мне как казашке стыдно», — это то же самое, как когда Токаев говорит: «Я не понимаю».

Что это означает? Мы глазами тех, кто на нас смотрит как на друзей, с кем хочет что-то дальше вместе строить, идти и так далее, невнятны. Поэтому я считаю, что

самая главная задача с точки зрения работы на постсоветском пространстве — это чистота понимания.

ИК. Все правильно. Вот это действительно, правильная и важная точка в нашей сегодняшней беседе.

Братцы, я благодарю вас за эту встречу, за этот разговор. Конечно же, благодарность огромная нашим зрителям. Смотрите и добивайтесь чистоты понимания. [ВК](#), в [Рутубе](#), в [Ютубе](#) мы есть. Поэтому заходите, смотрите, пересматривайте наши выпуски. Ждем от вас лайки и этому выпуску.

Отдельная благодарность, конечно же, вам, Алия.

АТ. Спасибо огромное.

ИК. Алия Толстых, автор телеграм-канала «Русская Казашка». Наши постоянные ведущие: Алексей Чадаев, политолог, журналист. Семен Уралов, политолог, журналист, писатель.

По четвергам выходят новые выпуски «Чистоты понимания», поэтому следите за анонсами. Увидимся.

**В подкасте упоминаются: Порошенко П. – внесённый Росфинмониторингом в перечень*

террористов и экстремистов; Ахметов Р. – признанный членом экстремистского объединения, следует из данных Минюста РФ; ОУН – формирование признано экстремистским и запрещено в РФ; «Слава Украине!» – экстремистский лозунг

[Словарь когнитивных войн](#)

[Телеграм-канал Семёна Уралова](#)

[КВойны и весь архив Уралова](#)

[Группа в ВКонтакте. КВойны. Семён Уралов и команда](#)

[Бот-измеритель КВойны](#)

[Правда Григория Кваснюка](#)